

ОДИН ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВЕЧЕР

Александр Алексеевич Абаринов,
историк, г. Киев

Жизнь любого человека состоит из встреч с разными людьми. Когда Антон Макаренко освободился от тягот бюрократической службы в НКВД, количество встреч с ним как с писателем стало огромным, а число людей, знавших и почитавших его творчество, многотысячным.

• А.С. Макаренко • Ленинград • А.В. Ганзен • книга для родителей

И «В зале были: множество педагогов и два писателя. В прениях участвовали два переводчика и двое бывших беспризорных. Вот и все отклики на выступление Антона Семёновича Макаренко, состоявшееся 14 декабря 1936 года в Доме писателя.

Об отсутствии на вечере писателей приходится пожалеть. Рассказ автора «Педагогической поэмы» о своём совершенно исключительном по богатству и глубине опыте в деле социалистического воспитания людей интересен не только для педагогов.

Основную роль в воспитании, говорил Антон Семёнович Макаренко, играет семья — коллектив, где ребёнок является не объектом баловства или родительских «жертв», а и участником, в меру своих сил, общей трудовой жизни.

К семье обращается новое произведение А.С. Макаренко — «Книга для родителей», уже подготовленная к печати. Отрывки из неё, яркие и острые, автор прочёл собравшимся. Сейчас он работает над 3-й книгой, в которой хочет показать, как находят своё место в жизни люди неполноценные.

Сам он подчеркнул, что не считает себя писателем, и заявил, что никогда не покинет своей педагогической работы, «самой важной, — как он выразился, — в Советском Союзе».

Вопреки этой писательской скромности, все присутствовавшие на вечере согласились с А.В. Ганзен, которая дала высокую оценку литературной деятельности писателя А.С. Макаренко, черпающего материал из самой гущи жизни¹.

До настоящего времени этот документ макаренковедению не был известен. Первыми, кто вскользь упомянул о вечере А.С. Макаренко, были молодые немецкие исследователи биографии А.С. Макаренко Гётц Хиллиг и Зигмунд Вайц; это произошло почти полвека лет назад — в томе Марбургского издания собрания сочинений А.С. Макаренко².

В письме художественному руководителю Александринского театра Н.В. Петрову, отправленном из Киева 9 декабря 1936 года, Макаренко пишет: «На 14-е назначен в Ленинграде диспут о моей

¹ «Литературный Ленинград», 1936, № 58 (203) 17.12/ — С. 4.

² *Makarenko Anton. Sbranie sochinenij. Marburgskoe izdanie. Tom 1: Publikacii 1923–1931 gg. Redakcija i komentarii Z. Vajtsa i G. Chilliga. Ravensburg, 1976; s. 164.*

книге в СП»³, не называя произведение. Однако в комментариях к письму, опубликованному там же, в Педагогических сочинениях А.С. Макаренко, прямо указано, что «диспут в Ленинградском отделении Союза писателей был посвящён «Педагогической поэме». Теперь мы знаем, что диспут был посвящён другому произведению писателя-педагога — «Книге для родителей»⁴. Данная неточность должна быть исправлена при подготовке Полного собрания сочинений А.С. Макаренко.

А.С. Макаренко несколько раз в своей жизни приезжал в северную столицу. Это в основном касалось агитационных выступлений и было связано с принятием Конституции СССР 1936 года; он в то время много ездит по стране, а Ленинград — один из городов, в котором писатель-педагог выступает как яркий оратор и пропагандист сталинского Основного закона СССР, принятого Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов. Он вынужден приспособливаться к условиям времени; нередко это находилось в прямом противоречии с его мыслями...

Взять, к примеру, «Набросок тем к отчёту делегатов VIII съезда Советов в ленинградском Союзе писателей»; речь идёт об А. Толстом и Н. Тихонове. Макаренко записывает: «Не как писатель, а как читатель. Если Конституция отразила многие находки революции, то тем более должна отразить литература. Эти находки спрятаны часто очень глубоко, их даже трудно разыскать. Собственно говоря, мы даже не приступали к этим поискам»⁵. Макаренко здесь настолько доверяет своим записным книжкам, что даже не задумывается о скрытой иронии своей записи. И так происходит не раз!

Здесь же Макаренко-каллиграфист делает другую запись, выделяя её очень красивым церковно-славянским шрифтом:

«Самочувствие человека в бесклассовом обществе. Это широчайшая тема. Отсутствие ощу-

щения верхних давящих классов есть новая форма свободы, которая никем не показана. Есть новые виды гармонии людей, которые нужно показать. Это тем более должны сделать мы, потому что мы помним ещё другую свободу»⁶.

II К Ленинграду отношение у писателя-педагога, если судить только по документам, опубликованным в Педагогических сочинениях, было несколько странное — он не признавал (или делал вид, что не признавал?) былой истории города на Неве, никоим образом не отождествлял его трепетно и с колыбелью революций. Вернувшись из Ленинграда, он со странным юмором пишет о городе на Неве; в его представлении это — «каменная лоханка, в которой плавают несколько грязных бумажек и перья из императорского орла. Окраины ещё так сяк...»⁷ Скорее всего, это была плоская и неудачная шутка, вызванная далёкой дорогой, перенесённой болезнью и отсутствием в городе Н.В. Петрова, с которым они были знакомы ещё в Харькове и должны были встретиться...

Но вернёмся к диспуту 14 декабря 1936 года... Антон Семёнович Макаренко, ещё не оправившийся от болезни, выходит на встречу с педагогами в Доме писателя в Ленинграде. «Писательское гнездо» тогда размещалось в старом строении по ул. Воинова, 18 (ныне ул. Шпалерная). Дом этот не сохранился до нашего времени, а сгорел вместе с писательским архивом ещё в предвоенные годы. В двух шагах находится мрачное здание НКВД на Литейном, 4; Большой дом — неофициальное название административного здания, построено в 1931—32 годах по инициативе С.М. Кирова. За углом — замерзшая Нева и продувной ветер с Балтики, а в зале Дома писателя Макаренко встречает удивительную женщину — Анну Васильевну Ганзен. В упомянутой нами заметке есть лишь её

³ ПС, т. 8, — С. 65.

⁴ ПС, т. 8, — С. 222.

⁵ Записная книжка А.С. Макаренко № 8, запись 790.

⁶ Цит. по А. Абаринов, Г. Хиллиг. Испытание властью. — Марбург, 2000. — С. 190.

⁷ ПС, т. 8, — С. 67.

фамилия с инициалами, более о Ганзен ничего не написано — получается, что всем и без того ясно, кто она и чем знаменита.

III Вряд ли есть человек, не читавший в детстве сказки «Дюймовочка», «Огниво», «Принцесса на горошине» и иные добрые произведения Ханса-Кристиана Андерсена, великого датского писателя. Переводы их на русский язык впервые сделаны Ганзен (до замужества — Васильева). С 1872 г. она, урождённая в рязанских лесах, в Касимове, жила в Петербурге. Окончила гимназию (1887), была вольнослушательницей Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1888 вышла замуж за Петра Ганзена (1846–1930), который в 1871 приехал в Россию из Дании. П. Ганзен перевёл на датский язык «Обыкновенную историю» И. Гончарова, ставшую одной из самых популярных книг в Дании в конце XIX века, произведения Л. Толстого, затем начал переводить на русский язык скандинавских авторов. В 1917 г., не признав новой власти, семидесятилетний П. Ганзен решил от греха подальше вернуться в спокойную Данию, где продолжил работу, начатую в России. Его жена и мать его пятерых детей осталась в голодном Петрограде, тоже по-прежнему занимаясь переводами.

Сыновей Ганзен — Владимира, Льва и Дмитрия ожидала непростая судьба. Дмитрий уехал и жил в Риге и фактически, как и отец, тоже оказался за границей. Владимир застрелился. Лев был расстрелян как царский офицер. В июне 1919 г. арестовали в Петрограде — вместе с дочкой и Анну Ганзен. Несколько недель они провели в ДОПРе на Воинова, 25 — «Шпалерке», известном ещё до революции Доме предварительного заключения.

*«На улице Шпалерной
Стоит волшебный дом:
Войдѣшь в тот дом ребёнком,
А выйдѣшь — стариком».*

One Night In Leningrad

Alexander A. Abarinov, historian, Kiev

Abstract. Speech by A.S. Makarenko in Leningrad in 1936. Makarenko as a writer. Assessment of his work.

Keywords: A.S. Makarenko, Leningrad, A.V. Ganzen, book for parents.

Потом их перевезли в московскую тюрьму. В чём обвиняли Ганзен — неизвестно. Мы также не знаем, кто хлопотал о спасении, но из тюрьмы их освободили где-то в конце 1919 г. Возможно, что её, как и Макаренко в своё время, взял под опеку А.М. Горький — ведь она трудилась под его началом в только что созданном большевиками издательстве «Всемирная литература», её коллегами были Александр Блок, К. Чуковский, Е. Замятин, А. Вольнский, Николай Гумилёв. Есть сведения, что вроде бы из тюрьмы Ганзен передала «Буревестнику» поэму, сочинённую в заключении.

Она могла бы, наверное, вырваться из голодной России, уехать к мужу в Данию, но осталась на родине. По-прежнему занималась переводами, теперь уже вместе с дочерью Марианной, которая владела многими европейскими языками. Всю Великую Отечественную войну Марианна прошла переводчиком, а Анна Васильевна Ганзен не пережила блокаду и в 1942 г. умерла в Ленинграде. Её архив до настоящего времени не только не изучен, но и не разобран.

Вот такая встреча произошла в Ленинграде холодным декабрьским вечером 1936 г. В качестве кого А. Ганзен пришла на встречу с А. Макаренко — как модератор вечера (она имела отношение к правлению и даже одно время была казначеем ЛОСПа) или как поклонник его писательского таланта, нам неизвестно. Возможно, наши питерские коллеги прольют свет на это, подтвердив новыми документальными свидетельствами.

А тогда приближался новый, 1937 год, принёсший Макаренко многие перемены в жизни, год, который в историю СССР войдёт как год Большого террора. **НО**